

ОНИ ИЗ ДЖАЗА

Рыцари музыки,
которая была у нас гонимой

**Судьба играет, как вы знаете, человеком, а человек играет на трубе...
А если человек играет на трубе, фортепьяно, саксофоне, скрипке, флюгельгорне, барабане, — то это Давид Голощекин.**

Он — заслуженный артист России, художественный руководитель Государственной филармонии джазовой музыки, композитор, актер. Но после знакомства с ним понимаешь, что прежде всего он фанатик, одержимый, безумец. Именно такие одержимые люди, влюбленные в свое дело, постоянно пытаются создать нечто действительно ценное.

В данном случае это — недавно открывшийся Музей петербургского джаза. Экскурсию по нему ведет maestro Голощекин:

— Никто не знает точно, когда родился джаз. Говорят приблизительно — конец прошлого, начало нынешнего века. Один солидный автор утверждает, что джаз появился на полвека раньше. А когда он появился в России? И об этом тоже идут споры.

Наша экспозиция начинается с конца пятидесятих годов. А где же Александр Варламов, Яков Скоморовский, Александр Цфасман, Леонид Утесов, не говоря уже об оркестре профессоров консерватории, который существовал в начале двадцатых? Справедливые вопросы. И я отвечаю на них, опираясь на исследования крупнейших музыковедов. Джеймс Коллиер, один из авторитетных знатоков, в своей книге «Становление джаза» четко проводит линию раздела между коммерческой и некоммерческой музыкой, а также между джазом и тем, что около него.

— То есть вы хотите сказать, что Утесов или, допустим, Глен Миллер — это не джаз?

— Они — рядом. Ведь джаз — это импровизация, а не исполнение по нотам каких-то мелодий. Но в Европе это стали понимать, когда Луи Армстронг приехал в Англию, а потом в скандинавские страны. Это случилось в 1933 году. Но мы-то жили за железным занавесом, и в 1952 году в Большой Советской Энциклопедии было черным по белому напечатано, что «джаз — явление, порожденное деградирующей буржуазной культурой США».

— А спустя шесть лет в Ленинграде появился клуб Д-58, который стал потом знаменитым джаз-клубом «Квадрат»...

— Может быть, подобных клубов и не было бы, если бы не Виллис Канонер. Человек, которого никто из нас и не видел, но голос его мы узнали бы из тысячи. Он сорок лет — с 1955 по 1995 год — вел на коротких волнах по «Голосу Америки» еженедельную передачу на Европу — «Час джаза». Он говорил по-английски, поэтому передачу не глушили. Он прекрасно понимал и чувствовал музыку, выбирал лучшее и замечательно рассказывал. Его слушали музыканты, и многие из них захотели эту музыку воспроизвести. Так у нас началось настоящий джаз, что и показано в нашей экспозиции.

— А вот в витрине вырезка из газеты, где джазменов называют «сорняками».

— Если б только обзывали. Изгоняли, запрещали, преследовали, даже сажали. Но известно: запретный плод сладок. Многие из нас зарабатывали на хлеб в рестора-

● Это — джаз.
Фото Евгения РАСКОПОВА.

нах, а душу отводили на подпольных концертах. Они — без афиш и объявлений — собирали зрителей. Все это есть в фильме «Когда святыне маршируют...», где я играл, по сути, самого себя.

— Откуда столько фотографий?

— В нашем музее материалы о тех музыкантах, которые заявили о себе на сцене. Половина снимков Михаила Биржакова. Сейчас он — издатель, а когда-то играл на барабане и снимал. В камеру он смотрел как музыкант, его снимки — особенные. Он подарил нам целый чемодан негативов. Много работ Наума Кажана, он лет двадцать живет в США, фотокорреспондент «Нью-Йорк Таймс».

— Но музей — еще и вещи, а я их что-то не вижу.

— Хотели бы увидеть концертный пиджак или бантик Вайнштейна, трубу Носова? Мне кажется, что среди живых нет таких, чьи вещи стоит хранить с благоговением, как рояль Чайковского или трубу Армстронга. После нас — пусть потомки судят. Несколько значительных музыкантов ушли из жизни, и мы искали их вещи, но, увы, пока не нашли.

Но суть — в другом: история джаза — не в вещах, а в звуке. Наш музей должен стать фонотекой и видеотекой. Однако в те годы, с которых мы ведем наше летосчис-

ление, джаз не записывали и не снимали на пленку. Записи появились только с восьмидесятых. Качественный монитор, проигрыватель — вот что для нас главное.

Почти десять лет существует наша Филармония джаза, шесть раз в неделю к нам приходят слушатели, в основном молодежь. Что они знают о нашей истории? Музей даст нам возможность показать и рассказать...

... На одном из стендов снимок: Дюк Эллингтон и мой собеседник на фоне лозунга «Дело Ленина живет и побеждает». Это было в 1971 году. Голощекину позвонили и приказали явиться в Дом дружбы, где в этот день будет встреча с заокеанским гостем. Если вдруг он заведет речь о джазе, нужно ему показать, что у нас все, как у людей... Но искусство импровизации не терпит рамок и протокола. Голощекин сменил несколько инструментов, после чего великий Дюк предложил ему сыграть джем-сейшн, то есть вместе. Только после этого прославленный гастролер убедился, что «джаз у нас есть».

Сегодня подтверждение этому может получить всякий, приходящий в Санкт-Петербургский Музей джаза.

На экскурсию ходила
Полина СОЛОВЕЙ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.